

В. И. Пефтиев

Восприятие поэзии В. Гюго в России и Франции XIX–XXI вв.

В статье предпринята попытка обозначить вехи и факторы изменчивости (перемен) в восприятии поэзии Виктора Гюго в России и Франции на протяжении двух столетий. Исследование опирается на философский экзистенциализм и работающие инструменты культурологии, такие как контекст эпохи, образ жизни поколений, интеракция жизненного опыта и литературного текста, несхожесть национальных менталитетов и др. Источниковедческая база статьи тройная: а) авторская выборка стихотворений В. Гюго разных лет на русском и французском языках; б) краткий обзор аналитической литературы в России и Франции; в) личные впечатления от прочитанного. Автор останавливается и на оценках А. С. Пушкина ранних сборников поэзии В. Гюго. Отмечена острая литературно-политическая борьба во Франции в начале 50-х гг. XX в. вокруг наследия В. Гюго.

Поэзия Виктора Гюго занимает неповторимое и прочное место в восприятии французов разных поколений. Массовый читатель ценит в его стихотворениях мастерское владение словом, его звуками, красками и образами. Его знание человеческих чувств покоряет и после оседания «событийной пыли» XIX в. Трудности перевода можно хотя бы частично компенсировать обращением к билингвизму (двуязычию). Поэзия Гюго, рассмотренная в концептуальном пространстве культурологии, обогатит наши знания о человеке в разных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: поэзия В. Гюго, экзистенциализм, диалог эпох и поколений, жизненный опыт и литературный текст, Россия и Франция XIX–XXI вв.

V. I. Peftiev

Perception of V. Hugo's Poetry in Russia and France in XIX–XXI

In the article an attempt is made to designate milestones and factors of variability (changes) in perception of Victor Hugo's poetry in Russia and France throughout two centuries. The research relies upon philosophical existentialism and working cultural science tools, such as the era context, a way of life of generations, interaction of life experience and the literary text, unlikeness of national mentalities, etc. the source study base of the article is triple: a) the author's selection of V. Hugo's poems of different years in the Russian and French languages; b) the short review of analytical literature in Russia and France; c) personal impressions of what was read. The author stops also on A. S. Pushkin's estimates of early collections of V. Hugo's poetry. Sharp literary political struggle is pointed out around V. Hugo's heritage in France in the early fifties of the 20-th century.

Victor Hugo's poetry fills a unique and strong place in perception of the French people of different generations. The mass reader appreciates masterful possession of the word, his sounds, paints and images in his poems. His knowledge of human feelings submits also after subsidence of «event dust» of the 19-th century. Difficulty of the translation can be compensated by the appeal to bilingualism (bilingualism) at least partially. Hugo's poetry considered in conceptual space of cultural science will enrich our knowledge of the person in different life situations.

Keywords: V. Hugo's poetry, existentialism, a dialogue of eras and generations, life experience and literary text, Russia and France in XIX–XXI centuries.

Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, –
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.

Федор Тютчев (1869)¹

Виктор Мария Гюго (1802–1885) – национальная гордость Франции. Поэт и трибун, драматург и романист, политик и публицист. Свидетель и деятель своего века. Повелитель французских слов [15]. Наследие В. Гюго грандиозно, многолико, но и неровно по мастерству. Каждое значимое его произведение – будь то драма, роман или сборник стихов – порождало изнури-

тельные баталии «за» и «против» в среде современников (коллег по перу и литературных критиков). Сочинения Гюго, а также его речи и дела неоднократно вызывали гнев властей предрержащих, которые прибегали к цензурным запретам, а после публикации памфлета против Луи Бонапарта решились на брутальную акцию – изгнание поэта из Франции на 19 лет. Но и последующие поколения на родине и за рубежом не единожды превозносили гений Гюго или, напротив, низвергали его с пьедестала почета². Наши симпатии отданы поэзии Виктора Гюго³. Он овладел, в конце концов, секретами всех жанров поэзии; книги стихов выходили с завидной регулярно-

стью с начала 20-х гг. и до последних дней жизни. Имели место и посмертные издания стихотворений Виктора Гюго. Анализ творчества Гюго продолжается и 200 лет спустя после его кончины и торжественного захоронения в Пантеоне – усыпальнице великих людей Франции.

Поэзия В. Гюго – это космическая галактика; и каждый может искать и находить свою «звезду», очертив свой маршрут к ней. Цель статьи – скромная, с учетом возможностей дилетанта, влюбленного во французский язык и цивилизацию самобытной страны-нации: локализовать зигзаги в восприятии поэзии Гюго на протяжении двух столетий и попытаться найти им объяснение (рациональное, но и в чем-то интуитивное). Концептуальную поддержку в авторских наблюдениях и размышлениях оказывают философский экзистенциализм (в манере Ж.-П. Сартра) и работающие инструменты культурологии, такие как контекст эпохи, образ жизни поколений⁴, интеракция жизненного опыта и литературного текста, несхожесть национальных менталитетов и др. Источниковедческая база статьи тройкая: а) авторская выборка стихотворений В. Гюго разных лет (на русском и французском языках); б) краткий обзор аналитической литературы в России и Франции (именно в алгоритме инверсии: сначала взгляд со стороны, другой нации, со своими литературными традициями, а затем самоидентификация Гюго и на финише – позиции ведущих исследователей во Франции) и в) личные впечатления от прочитанного.

В. Гюго в России: этюды (зарисовки)

Повествование начнем с Александра Сергеевича Пушкина, который искренне и содержательно интересовался Францией и ее литературой. Об этом можно судить по библиотеке нашего классика и фундаментальной монографии Б. В. Томашевского [10]. В библиотеке Пушкина более 1,5 тысяч книг и журналов на 14 иностранных языках, но большинство из них на французском языке. Пушкин приобретал (лично, через посредников) или ему дарили новинки французской поэзии и литературы (Б. Констан, А. Ламартин, А. Мюссе, Ш. Сент-Бев, Жермена де Сталь, О. Бальзак, Ф. Шатобриан и др.). Девять изданий В. Гюго, включая «Les Orientales» и «Les chants du crépuscule», включены в описание библиотеки Пушкина. Пушкин читал их с пометами и в дальнейшем на них ссылался [4, с. 253–254]. Резонанс от прочитанного находим в заметках для себя, в периодике, а также в письмах Пушкина друзьям, знакомым, кор-

респондентам. Суммируем эти отклики на поэзию В. Гюго. Первое упоминание Гюго находим в томе 11 «Критика и публицистика» Полного собрания сочинений (в 17 томах, М.: Воскресение, 1996). В заметке «Об Альфреде Мюссе» (1830) Гюго удостоился одной фразы: «Важный Виктор Гюго издал свои блестящие, хотя и натянутые «Восточные стихотворения» (Les Orientales) [т. 11, с. 175]. А. С. Пушкин намеревался написать статью о В. Гюго (1832), но по каким-то неизвестным нам мотивам и обстоятельствам замысел не получил воплощения. Исследователи разыскали лишь два абзаца. Первый: всем известно, что французский народ антипоэтичный (общая констатация, без развертывания и обоснования негативной оценки. – В. П.). Во втором абзаце адресат указан конкретно: «Ныне В. Гюго, поэт и человек с истинным дарованием ... издал под заглавием “Les feuilles d'automne” том стихотворений ... в подражание книге Сент-Бева «Les Consolations» [т. 11, с. 219]. А. С. Пушкин вступил в полемику с М. Е. Лобановым, который в лекции для членов Императорской Российской Академии 18 января 1836 г. допустил грубые выпады в отношении французской литературы: она, мол, раздражительна, опрометчива и бессвязна. Реплика Пушкина: «Мы так не думаем». И, тем не менее, А. С. Пушкин настаивает на своей позиции: поэзия осталась чужда влиянию французов; она более или менее дружится с поэзией германской и гордо сохраняет свою независимость от вкусов и требований публики [т. 12, с. 70–71]. В. Гюго дважды упоминается в очерке «О Мильтоне и шатобриановом переводе «Потерянного рая» (1836). 1. Гюго – поэт (хотя и второстепенный). 2. Переводы Мильтона в прозе делали А. де Виньи, В. Гюго, но «худо делали»; из всех иноземных писателей он (Мильтон) был «всех несчастнее» во Франции [т. 12, с. 137]. В письмах к Е. М. Хитрово от 19–24 мая 1831 г. Пушкин причисляет Гюго и Сент-Бева к единственному бесспорным французским поэтам эпохи, особенно последнего [т. 13, с. 94]. А. С. Пушкин восхищен «Собором Парижской Богородицы», но не осмеливается сказать все, что о нем (романе) думает: «mais je n'ose pas dire ce que j'en pense» [т. 13, с. 172]. Видимо, не без влияния Пушкина Н. В. Гоголь иронизирует над «необъятной великостью» Виктора Гюго [т. 13, с. 211].

Налицо психологическая загадка: А. С. Пушкин признает талант В. Гюго, но, по сути, молчит о творческом стиле француза. Пуш-

кинская дистанция к Гюго контрастирует с обстоятельным разбором поэтического сборника Сент-Бева «Утешения» и стихов под именем Жозеф Делорм [т. 11, с. 195–201]. Правдоподобное объяснение напрашивается само собой, ибо Пушкин был осведомлен о поэтических сочинениях раннего Гюго, еще не освободившегося от подражания плеяде поэтов старшего поколения (А. де Виньи, А. Ламартин⁵, А. Мюссе). Допускаю и другие толкования. Но напрашивается и полярный разворот загадки. Видимо, в первой трети XIX в. до расцвета поэтического гения В. Гюго (40–50-е гг. и далее) Сент-Бев и названные выше поэты пользовались заслуженным вниманием читательской публики. Но тогда надлежит дать вразумительные ответы на вопросы: почему и за что – пусть на короткое время – предшественники и современники В. Гюго разделяли с ним лавры успеха. Информация к размышлению. Федор Тютчев свое стихотворение «Одиночество» (1820–1823) обозначил «Из Ламартина», то есть адресно идентифицировал источник своего вдохновения [11, с. 77–78].

И после смерти В. Гюго его поэзия на французском языке оставалась доступной для интеллигенции провинциальной России через библиотеки дворянских усадеб, земства, преподавателей, студентов и учащихся. Уцелевшее от поджогов и разграбления и поныне хранится в фонде редких книг библиотеки ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и в отделе иностранной литературы Ярославской областной универсальной научной библиотеки им. Н. А. Некрасова. Используемые нами раритеты названы в библиографии.

Из дореволюционной литературы о Гюго выделим биографический очерк А. Н. Паевской (СПб., 1893. Из серии ЖЗЛ Ф. Солдатенкова. Экземпляр брошюры принадлежал Ярославскому реальному училищу; к ней прилагался краткий словотолкователь). Популярно изложив основные вехи жизни и литературной деятельности В. Гюго, автор колоритно и с деталями описывает атмосферу появления поэтического сборника «Искусство быть дедом» (1877). В. Гюго обожал своих внуков Жоржа и Жанну. Он рассказывал им сказки о доброй блохе и злом короле, о преданной собаке, об осле с очень длинными ушами. До обеда внуки приходили к деду в сопровождении кота-Гавроша и собаки. Начинались всевозможные шалости: дети влезали на колени деда, таскали его за волосы и за бороду, целовали. Он никогда не наказывал их. «Видите, – говорил

иногда Виктор Гюго кому-нибудь из сидящих у него на коленях внучат, – дедушка все-таки хоть на что-нибудь да годится: на него можно сесть» [8, с. 68–69].

Перенесемся в советскую Россию начала 30-х гг. Сталин приступает к форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. Идет полным ходом вульгаризация идей К. Маркса и В. И. Ленина. И в этот переломный год, когда покончено с НЭПом, появляется брошюра А. В. Луначарского (наркома просвещения с 1917 г.) о Викторе Гюго (М. – Л.: ГИХЛ, 1931). Автор проявляет свою двуликость. С одной стороны, Гюго представлен народнически-радикальным либералом, рупором мелкой буржуазии. И с другой стороны – Гюго выступил как художник, владеющий в совершенстве переводом звуковых образов в зрительные. По манере повелевать словами и красками Гюго превосходит всех поэтов своего времени и последующих поколений [3, с. 53–55]. Будучи знатоком русской и зарубежной литературы, А. В. Луначарский (1875–1933) не скрывает своего неприятия в Гюго манеры вести себя как бог, принимать почести, судить с высоты своей воли, окружать себя небесными облаками, из-за которых он не совсем ясно видит контуры земных предметов. Мания величия сочетается у него с несколько забавной наивностью (например, ждать переименования Парижа в Гюгополис) [3, с. 33].

За короткий срок (1953–1956) подготовлено и издано собрание сочинений Виктора Гюго в 15 томах; поэзии отведены 1 (частично), 12 и 13 тома. Во вступительной статье В. Н. Николаев скупно вспоминает и оценивает поэтические циклы Гюго. Сборник «Восточные мотивы» (1829) – это колоритные и звучные стихи, игра цветных великолепий. Сборники «Осенние листья» и «Песни сумерек» содержат стихотворения глубокого социального содержания. Сборник «Возмездие» (1853) – шедевр политической лирики поэта. Сборник «Грозный год» (1872) отражает сомнения и колебания в отношении к Парижской коммуне и пламенную защиту поверженных коммунаров. В «Легенде веков» (в трех томах, 1859–1883) ярко отражена тираноборческая тема [т. 1, с. 10, 13, 16, 27, 32].

В 1986 г. энтузиасты творчества Гюго (к 100-летию со дня смерти) издали драмы «Эрнани» и «Рюи Блаз» и избранные стихотворения на французском языке и с русскими переводами. Во вступительной статье «Поэтический мир Виктора Гюго» В. А. Никитин отдает должное каждому

поэтическому сборнику. И завершается предисловие взвешенными словами: «Слава Гюго не оставалась неизменной. Было немало влиятельных людей..., желавших, чтобы о нем забыли, пытавшихся бросить на него тень клеветы. Не было недостатка и в недоброжелателях литературных – он был слишком велик и своим величием мешал. Нередко, по словам Валери, многие избирали иные пути в литературе, чтобы «быть заметными, несмотря на Гюго. И даже для них он оставался ориентиром. Вот почему во французской поэзии Гюго является мерой вещей прошлого, настоящего и будущего» [20, с. 23].

Виктор Гюго о своей миссии в поэзии. Потомки о Гюго

Редко кто из литературоведов не цитирует дневниковую запись подростка Гюго: «Хочу быть Шатобрианом либо никем» (1816). И амбиции не покидали его никогда. Но каждому своему поэтическому творению Гюго ставил конкретные, неповторимые и ясные задачи. Поэтому обращаемся к авторским предисловиям. Самое главное – одним абзацем.

«Оды и баллады» (1823–1826). Холодность присуща не самой оде, а лишь той форме, которую придает ей мир поэта [2, с. 27]. В издании ни слова о политике. Баллады Гюго определил как «причудливый» жанр, включающий картинки, сцены, сновидения, легенды, предания, суеверия. Этот сборник стал заметной вехой на пути к романтизму [2, с. 7]. Гюго верил в свое отечество и миссию поэта, «чтобы народы не сказали о нем: “Он пел в земле варваров”» [2, с. 37]. В. Гюго в 1826 г. высказывался так: «У поэта должен быть только один образец – природа, только одно руководство – правда» [2, с. 42]. И в 1828 г., завершая свой дебют в литературе, Гюго заглядывал в будущее: «Будем надеяться, что наступит день, когда весь политический и литературный девятнадцатый век найдет свое выражение в следующих немногих словах: свобода в общественном порядке, свобода в искусстве» [2, с. 44]. Надежды не оправдались. Гюго в 1853 г. написал: «Редко случается: подняться от заблуждения к истине» [2, с. 45].

Из предисловия к сборнику «Восточные мотивы» (1829) подчеркнем прогноз, правда, отдаленный: «Востоку, быть может, еще суждено сыграть в скором времени заметную роль на Западе как для империи, так и литературы» [2, с. 136]. В сборнике учтен опыт, приобретенный в ориентализме Шатобрианом и Ламартином.

Двумя годами ранее в знаменитом Предисловии к «Кромвелю» (1827) Гюго обозначил жажду перемен: «В наши дни существует старый литературный режим, как и старый политический режим. Прошлый век почти во всем еще тяготеет над новым» [Цит. по: 20, с. 9].

В 30-е гг. над поэзией Гюго довлела тень июльской монархии: «нам нужна республика по сути, монархия по названию» [12, с. 137]. Из предисловий к сборникам «Осенние листья» (1831) и «Песни сумерек» (1835) нами отобраны две цитаты. «Чтобы уничтожить искусство, нужно сперва уничтожить человеческое сердце» [2, с. 162]. «Прелюдия объясняет песню. В мире идей, вещей, в обществе и в человеке – состояние сумерек» [2, с. 166]. Сделаем паузу, поставим многоточие...

Слава Гюго в памяти французов изменчива и непредсказуема. Из литературной истории не выбросишь печальные страницы дискредитации или замалчивания творчества Гюго. Остановимся на одном эпизоде.

Франция, 1952 год. Разгар «холодной войны» и антикоммунистической истерии. 150-летие со дня рождения В. Гюго. Консервативная газета «Le Figaro» публикует за подписью некоего Равона оповещение о том, что настоящие друзья Гюго смущены идолопоклонничеством (намек на коммунистов. – В. П.) и намереваются отказаться от празднования юбилея. Критик ссылаясь на поэтическую антологию Гюго, комментированную Луи Арагоном (1897–1982) под атакующим названием «Вы читали Виктора Гюго?» [12]. В предисловии к антологии Луи Арагон, поэт и прозаик, один из основателей сюрреализма приводит множество доказательств тезиса: Виктор Гюго актуален, как Париж; жизнестойкость его наследия неопровержима [12, р. 9–18]. В том же году незамедлительно Л. Арагон публикует брошюру «Гюго, поэт-реалист», где напоминает вещице слова В. Гюго из предисловия к драме «Анжело» (1835): «В век, в котором мы живем, горизонты искусства очень расширены. Раньше поэт говорил публике, сегодня поэт говорит народу» (перевод автора. – В. П.) [13, р. 7].

В 1977 г. Доминик Ренсе (Rincé) включает В. Гюго в галерею лидеров романтической революции в такой последовательности: Ламартин (1790–1869), Мюссе (1810–1857), Виньи (1797–1863), Гюго (1802–1885), Нерваль (1808–1855). В этом поколении романтиков В. Гюго оказался долгожителем. Его поэтическое наследие отличаются интенсивность, разнообразие, контрасты. В

трехтомнике «Легенды веков», отмечает Д. Ренсе, отображена многовековая борьба Добра и Зла. Чудесный язык Гюго, по утверждению другого исследователя Гаэтана Пикона (Picon), не что иное, как обширный протокол его видения себя и мира [14, p. 49, 52].

«Серый период» в изучении наследия В. Гюго (ни шатко – ни валко), увы, растянулся на целое поколение. И лишь к середине 80-х гг. XX в. намечился выход на новые горизонты исследований и на возрождение читательских симпатий во Франции к шедеврам Гюго. И дело не только в юбилейных датах, хотя и их празднование никогда и никому не вредит. В связи с этим парижский журнал «Литературное обозрение» в потоке юбилейных публикаций выделяет обстоятельную и новаторскую монографию Жан-Марка Оваса (Novasse). Биограф Гюго опирается не только на хронологию важнейших событий в жизни поэта и в истории Франции, но и на его тексты, их рождение и окончательную редакцию. Иными словами, речь идет об интеграции жизни и текста (с его последующей судьбой). Это органическое единение обнаруживается практически во всем наследии Гюго, а не только в стихотворении на трагическую смерть дочери Леопольдины [16, p. 20–25].

Личные наблюдения после чтения поэзии Виктора Гюго

Поэзию Гюго переводили Валерий Брюсов и Анна Ахматова, маститые и начинающие переводчики. В порядке эксперимента автор отобрал отрывок стихотворения В. Гюго из сборника «Искусство быть дедом» и сопоставил девственность оригинала и виртуозность перевода:

Victor sed victus
(Побежденный победитель)
Я был не пример им. Во дни лихих годин
На многих деспотов я шел войной один...
Я дрался сорок лет, с опасностью шутя!
И кто же, кто теперь меня сразил? –
Дитя!

Перевод А. Арго [т. 13, с. 143]:

Je sais, dans notre temps de chocs et de fureurs?
Belluaire, et je fus la guerre aux empereurs...
Été quarante ans fier, indompté, triomphant;
Et me voilà vaincu par un petit enfant.

[17, p. 9–10]

В любом эксперименте необходим «эффект второго раза», то есть повтор с другим объектом.

Песня над колыбелью

Меня увидев здесь склоненным пред тобою,
Изменит ветер вой на лиры звук певучий,
И улыбнется ночь зарницей голубою
Сквозь тучи.

Перевод Н. Зиминой [т. 13, с. 156]:

Chant sur le berceau
Je veux qu'en te voyant là, ta main dans la mienne,
Le vent charge son bruit d'orage en bruit de lire
Et que sur ton sommeil la sinistre nuit vienne
Sourire. [17, p. 97]

У автора отсутствуют злые намерения оценивать, чей перевод лучше или хуже, как и степень удаления от первоисточника. Проблема в другом: можно ли адекватно переводить на иностранные языки поэтические тексты? Как решить эту дилемму? У нас нет готового ответа, но есть паллиатив – размещать вместе оригинал и перевод, то есть прибегать к билингвизму (двуязычию).

Послушаем по этому поводу мудрого А. С. Пушкина. Перевод – труд, тяжелый и неблагодарный для большинства читателей, который может быть оценен двумя, тремя знатоками. Перевод слово в слово не передает верно смысла и выражений. Подстрочник никогда не может быть точным [9, т. 12, с. 143–144].

И в качестве эпилога прочитаем вместе блестящий перевод Анны Ахматовой (один отрывок):

Впустите всех детей! О, кто сказать посмеет,
Что резвый детский смех лазурный шар развеет,
Мной сотворенный в тишине?
Друзья, кто вам сказал, что игры их и крики
Тревожат гордых муз божественные лики?
Бегите, малыши, ко мне!

[20, с. 505]

Виктор Гюго противоречив, но неисчерпаем. О личности и творчестве гения Франции был, есть и будет обмен впечатлениями. Из всех известных эпитетов в адрес Гюго, на мой взгляд, самый проникновенный – «знарок человеческих чувств» (А. Моруа): «Он лучше других сумел воспевать то, что испытывают все: скорбь родины по погибшим сыновьям, радость молодого отца, блаженство первой любви, долг каждого перед бедными, ужас поражения и величие милосердия...» [5, с. 403]. История Франции и ее литература открыла поразительную истину: в переломные эпохи проницательный поэт больше, чем просто поэт. Уверены, что поэзия Гюго, рассмотренная в концептуальном пространстве

культурологии, обогатит наши знания о человеке в разных жизненных ситуациях и очистит от скверны и пороков наши души. Пожелаем нашим читателям испытать моменты блаженства от чтения стихотворений Виктора Гюго.

Библиографический список

1. Гюго, Виктор. Собрание сочинений : в 15 томах [Текст] / В. Гюго. – М. : ГИХЛ, 1953–1956.
2. Гюго, Виктор. Критические статьи, очерки, письма [Текст] / В. Гюго. – М. : Гоиздат, 1956. – 767 с.
3. Луначарский, А. В. Виктор Гюго. Творческий путь писателя [Текст] / А. В. Луначарский. – М. – Л. : ГИХЛ, 1931. – 64 с.
4. Модзалевский, Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Репринтное издание 1910 г. [Текст] / Б. Л. Модзалевский. – М. : Книга, 1988. – 440 с.
5. Моруа, Андре. Олимпико, или Жизнь Виктора Гюго [Текст] / Андре Моруа ; пер. с фр., пред. Ф. Наркирьера. – М. : Радуга, 1983. – 440 с.
6. Ортега-и-Гассет, Хосе. Избранные труды [Текст] : Хосе Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. ; сост., пред. и общ. ред. А. М. Руткевича, 2-е изд. – М. : Весь мир, 2000. – 704 с.
7. Ортега-и-Гассет, Хосе. Этюды об Испании [Текст] / Хосе Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. ; вст. ст. Ивана Петровского. – Киев, 1994. – 320 с.
8. Паевская, А. Н. Гюго, его жизнь и литературная деятельность [Текст] / А. Н. Паевская. – СПб., 1893. – 74 с.
9. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 17 томах [Текст] / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996.
10. Томашевский, Б. В. Пушкин и Франция [Текст] / Б. В. Томашевский. – Л. : Сов. пис., 1960. – 498 с.
11. Тютчев, Ф. И. Стихотворения [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М. : Эксмо, 2012. – 608 с.
12. Avez-vous lu Victor Hugo? Anthologie poétique commentée par Aragon. – Paris, 1952. – 327 p.
13. Aragon. Hugo, poète réaliste. Paris. Ed.soc., 1952. – 62 p.
14. Dominique Rincé. La poésie française du XIX siècle. Paris. PUF, 1977. – 128 p.
15. Victor Hugo. Témoin et acteur de son siècle. Paris: Sénat, 2002. – 48 p.
16. Victor Hugo. Dossier. Deux siècles de légende // Magazine Littéraire, 2002. Janvier, № 405. – P. 18–67.
17. Hugo Victor. L'art d'être grand père. Paris: Calmann Lévy, 1879. – 275 p.
18. Hugo Victor. Les Orientales. Les feuilles d'automne. Les chants du crépuscule. Paris. Hachette. 1882. – 508 p.
19. Hugo Victor. Correspondance. 1836–1851. Paris: Calmann Le'vy, 1896. – 384 p.
20. Hugo Victor. Poésies. Théâtre. – М. : Радуга, 1986. – 608 с. (на фр. и рус. языках).

Bibliograficheskij spisok

1. Gjugo, Viktor. Sbranie sochinenij : v 15 tomah [Tekst] / V. Gjugo. – M. : GIHL, 1953–1956.
2. Gjugo, Viktor. Kriticheskie stat'i, ocherki, pis'ma [Tekst] / V. Gjugo. – M. : Goizdat, 1956. – 767 s.
3. Lunacharskij, A. V. Viktor Gjugo. Tvorcheskij put' pisatelja [Tekst] / A. V. Lunacharskij. – M. – L. : GIHL, 1931. – 64 s.
4. Modzalevskij, B. L. Biblioteka A. S. Pushkina. Reprintnoe izdanie 1910 g. [Tekst] / B. L. Modzalevskij. – M. : Kniga, 1988. – 440 s.
5. Morua, Andre. Olimpiko, ili Zhizn' Viktora Gjugo [Tekst] / Andre Morua ; per. s fr., pred. F. Narkir'era. – M. : Raduga, 1983. – 440 s.
6. Ortega-i-Gasset, Hose. Izbrannye trudy [Tekst] : Hose Ortega-i-Gasset ; per. s isp. ; sost., pred. i obshh. red. A. M. Rutkevicha, 2-e izd. – M. : Ves' mir, 2000. – 704 s.
7. Ortega-i-Gasset, Hose. Jetjudy ob Ispanii [Tekst] / Hose Ortega-i-Gasset ; per. s isp. ; vst. st. Ivana Petrovskogo. – Kiev, 1994. – 320 s.
8. Paevskaja, A. N. Gjugo, ego zhizn' i literaturnaja dejatel'nost' [Tekst] / A. N. Paevskaja. – SPb., 1893. – 74 s.
9. Pushkin, A. S. Polnoe sbranie sochinenij : v 17 tomah [Tekst] / A. S. Pushkin. – M. : Voskresen'e, 1996.
10. Tomashevskij, B. V. Pushkin i Francija [Tekst] / B. V. Tomashevskij. – L. : Sov. pis., 1960. – 498 s.
11. Tjutchev, F. I. Stihotvorenija [Tekst] / F. I. Tjutchev. – M. : Jeksmo, 2012. – 608 s.
12. Avez-vous lu Victor Hugo? Anthologie poétique commentée par Aragon. – Paris, 1952. – 327 p.
13. Aragon. Hugo, poète réaliste. Paris. Ed.sos., 1952. – 62 p.
14. Dominique Rincé. La poésie française du XIX siècle. Paris. PUF, 1977. – 128 p.
15. Victor Hugo. Te'moin et acteur de son siècle. Paris: Sénat, 2002. – 48 p.
16. Victor Hugo. Dossier. Deux siècles de légende // Magazine Littéraire, 2002. Janvier, № 405. – P. 18–67.
17. Hugo Victor. L'art d'être grand père. Paris: Calmann Lévy, 1879. – 275 p.
18. Hugo Victor. Les Orientales. Les feuilles d'automne. Les chants du crépuscule. Paris. Hachette. 1882. – 508 p.
19. Hugo Victor. Correspondance. 1836–1851. Paris: Calmann Le'vy, 1896. – 384 p.
20. Hugo Victor. Poe'sies. Théâtre. – М. : Радуга, 1986. – 608 с. (на фр. и рус. языках).

¹ Тютчев Ф. И. Стихотворения / Федор Тютчев. – М.: Эксмо, 2012. – С. 456–608.

² Прав неподражаемый Федор Тютчев:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.
Петербург, 27 февраля 1869 г. [11, с. 455]

³ В Париже и в изгнании личность Гюго, его демарши (поступки) в литературе и политике неизменно вызывали бурные общественные дискуссии. Но время неумолимо меняет акценты. И то, что волновало современников Гюго, потеряло былую злободневность для последующих поколений французов. И массовый читатель обратился лицом к поэзии Гюго. Об этом сдвиге общественного мнения нам, студентам юридического факультета Киевского университета, поведала Рахиль Самойловна Лифшиц, бывшая в молодости стажером Сорбонны. Эту же мысль высказала на одном из семинаров в конце 60-х гг. Наталья Владимировна Голикова, заведующая кафедрой французского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. С печалью думаю я о своем запоздалом, в сумерках жизни, приобщении к интимной лирике Виктора Гюго.

⁴ Феномен «поколение» (отцы и дети) известен с глубокой древности. Осмысление Французской революции 1789 г. и ее последствий (ближайших и отдаленных) расширило границы концептуального поля поколенческого измерения в истории. Французский политолог Алексис де Токвиль (1805–1859) сформулировал суть своего открытия в афоризме: новое поколение – это новый народ (страна). Поколенческий шок испытала Испания после поражения в войне с США («поколение 1898 года»). Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) в цикле статей «Восстание масс» (1929–1930) бичевал посредственность толпы, предпочитающей рассуждать и действовать «как все»: «масса сминает

непохожее, недюжинное и лучшее» [6, с. 48]. В «Этюдах об Испании» (очерк «Бесхребетная Испания») испанский философ и публицист находит главную причину агрессии невежества в отсталости экономики и сельском укладе жизни (даже в крупных городах) плюс пораженческие настроения [7, с. 95–101]. Обе мировые войны в XX в. породили «потерянные поколения», не способные к мирному труду. Главный признак «поколения» не только и не столько единство или близость возраста, сколько общение в определенном жизненном пространстве [6, с. 261]. Итак, поколенческие кризисы могут вызвать любые масштабные катаклизмы (революции, войны, государственные перевороты, кардинальные реформы). Для эпохи Гюго перечень потрясений зашкаливает: реставрация монархии, революции 1830 и 1848 гг., 18 брюмера (1851), поражение Франции в войне с Германией и многое другое личного происхождения.

⁵ Виктор Гюго не раз подтверждал свое благоговение перед личностью и поэзией А. Ламартина (1790–1869). Именно ему посвящен сборник «Les feuilles d'automne» (1830) [19, с. 233–242]. В письме А. Ламартину от 24 июня 1862 г. Гюго проявляет высшую степень почитания, обращаясь к старшему собрату «Mon illustre ami» (знаменитый, прославленный). Обращаясь в Комитет по установлению статуи Ламартина в Париже (23 февраля 1876 г.), В. Гюго подчеркивает его заслуги как поэта (1820) и гражданина (1848): «La France a vue apparaître en 1820 un grand poète et en 1848 un grand citoyen» [19, p. 252, 367].